

П

овесть Геннадия Литвинцева «Молодым не ходи в Гуандун. Записки времен Опиумной войны», опубликованная журналом «Подъём» (2017, № 7), обращает на себя внимание несколько экзотическим для Центрального Черноземья предметом изображения — история первой опиумной войны в Китае! Первые объяснения выбору темы, кажется, найти нетрудно: биографическая справка сообщает, что автор родился в семье восточных («харбинских») эмигрантов. Но... опиумные войны — это XIX век, а мы уже привыкли к воспоминаниям потомков первой волны эмиграции о семейных «одиссеях» все-таки XX века. Так что события повести Г. Литвинцева ни с ним самим, ни с его предками не связаны. Но это и не текст из современного литературного мейнстрима, куда эта работа не вписывается без вызова и внешнего назидания. Просто она иная — посвящена историческим событиям, далеким от читателя, но ее появление диктуется сегодняшним днем, его темами и проблемами. И как исторический текст автор снабжает повесть примечаниями, подчеркивая историзм и документальность своего сочинения. И это, как мы увидим, не только требование жанра, но помощь читателю в ориентации на те проблемы, а главное — выводы, которые важны для автора. Вот об этом-то мы и поговорим.

Написанная потомком русской «восточной» эмиграции, повесть «Молодым не ходи в Гуандун» рождает естественное желание увидеть ее своеобразие на фоне художественных, философских и прочих текстов «вернувшихся», поток которых пополнил нашу литературу в конце XX века. В восстановлении целостного поля русской культуры принесли активное участие потомки европейской и «восточной» эмиграции — задача объемная, однако, как показало время, выполняемая и в целом благодарная. В дело сохранения национальной памяти «периферийная» харбинская эмиграция внесла свою лепту, не менее значительную, чем европейская. Например, Наталья Ильина, прожившая в «восточном рассеянии» с 1920-го по 1948 год, рассказала о жизни-злключениях своей семьи на Востоке в книге воспоминаний «Возвращение» (1957–1965), в автобиографической прозе «Дороги» (1982). Изданы воспоминания о «шанхайском периоде» А. Вертинского. Опубликованы воспоминания «Судьбы скрещенья» (2008) Елены Берковской, дочери философа Николая Сетницкого, последователя религиозного философа Николая Федорова. Беру ближние примеры из собственного читательского опыта, обогащенного и недавним знакомством с воспоминаниями Г. Литвинцева о возвращении на родину его семьи.

Во всех упомянутых выше текстах речь шла не о Китае или китайской истории, а о европейцах, оказавшихся в чужой культурной среде. Китай, Харбин, Шанхай, разумеется, присутствуют в их рассказах, но как быт, как подробности биографии, не ставшие органической частью духовного опыта изгнанников.

Повесть «Молодым не ходи в Гуандун» принципиально иная. Да, она написана человеком, родившимся в эмиграции, но предмет ее размышлений — не отдельный факт из жизни изгнанников, не частная история семьи или героя. Это повесть о начале долгой стагнации Поднебесной, о ее объективных причинах, а если иметь в виду временную проекцию, то и о нашем сегодняшнем дне.

Повествование доверено Г. Литвинцевым юноше из семьи высокопоставленного китайского чиновника. В примечаниях к повести автор сообщает, что всего в Китае XIX века было девять чиновных классов; отец главного героя принадлежал к достаточно высокому — седьмому и готовил сына к государственной деятельности: «Отец не желал мне другой судьбы, как только стать чиновником, а затем продвигаться все дальше и дальше по службе» (гл. 1).

Таким образом, воля отца определила жизнь и поступки Вэньхуа, чье имя значит «Начитанный». Высокообразованный юноша, являясь представителем своего рода, рассказывает не о частностях своей биографии, не о бытовых обстоятельствах семейной истории, а о системе подготовки детей китайских чиновников к государственному служению. «Лучше обучить наследника, чем оставить ему короб золота», — цитирует рассказчик «известное присловье», которым руководствовался и его отец. И Вэньхуа не без гордости сообщает о получаемых им знаниях, о радости знакомства с мудростью философов и поэтов.

Написана повесть «Молодым не ходи в Гуандун» с уважением к стране, к ее древней цивилизации, с ориентацией на социально-нравственные принципы, которыми определялась жизнь китайской государственной элиты. Выстоятельность

подготовки молодого человека к служебной карьере, насколько позволяет судить рассказ Вэньхуа, не соотносимы с европейскими вариантами Растиньяка (герой О. де Бальзака) или Адуева-младшего («Обыкновенная история» И. Гончарова). Вэньхуа и его соратник по учебе воспринимают труды мыслителей, философов, полководцев как «негасимые светильники». Для них они не только носители государственного знания, но и нравственные авторитеты.

Однако, как показывает дальнейшее развитие сюжета повести, вековая мудрость, сохраненная древними книгами, касалась не только поведения государственного служащего. В кризисный момент жизни Вэньхуа к нему во сне является покойный отец для того, чтобы напомнить сыну о единстве общественных и родовых ценностей: «...начало сыновнего благочестия в том, чтобы сохранять тело, полученное от родителей, и заботливо избегать всего, что может ему повредить. Достигнуть высокого сана, действовать согласно с требованиями истинной нравственности, оставить навечно о себе добрую память во славу своих родителей — вот верх сыновнего благочестия» (гл. 2).

Тем не менее обвинить повесть Г. Литвинцева в назидательности, в желании предложить читателю известные нравственные прописи нельзя уже по одному тому, что не он учит читателя «делать жизнь с кого». Это *знает* его герой, сын *своего* времени, которому выпало жить в эпоху цивилизационных сломов, значимых не только для Китая, но и мира в целом.

Юноша Вэньхуа поставлен перед необходимостью вместе со своей страной сопротивляться натиску «рыжеволосых» варваров — людей «из народа ханг-мау», как называли китайцы англичан. Великобритания, отвоьевавшая рынки сбыта опиума на юге Китая, внешне в этой войне не обозначала своих политических или цивилизационных задач. Она утверждала, что ее интересовали лишь простые и очевидные вещи — торговля, прибыль, коммерческие интересы, т.е. ценности, внятные для европейца XIX. Но Опиум-

ная война 1840–1842 годов (время действия повести Г. Литвинцева), в которой в жесткой конфронтации столкнулись государственный строй и порядок Поднебесной империи с коммерческими интересами английского капитала, для героя-повествователя Вэньхуа стала жизнью и судьбой. Увиденная на фоне цивилизационного слома, «история героя» получила иной, чем в европейских литературах, смысл.

Первая Опиумная война завершилась Нанкинским договором. О нем сообщает автор в примечании к 3-й главе повести: «Нанкинский договор, подписанный Англией и Китаем в августе 1842 года в результате Первой опиумной войны, считается образцом нового для той эпохи типа соглашений между колониальными державами и государствами Востока. ... Китаю был навязан юридический документ, лишивший его значительной доли суверенитета».

Однако более сокрушительным итогом Опиумной войны с Китаем было гигантское распространение наркомании и последовавшей за всем этим деградации и высокой смертности населения. Трагическая глубина таких последствий не нуждается в дополнительных комментариях.

Таким образом, источник авторских размышлений в повести Г. Литвинцева «Молодым не ходи в Гуандун» — цивилизационное столкновение «передовой» западной культуры с «отсталой» культурой Востока. И, разумеется, главный вопрос, который ставит писатель перед думающим героем своей повести, состоит даже не в том, было ли такое столкновение неизбежным? Значительно более важным является вопрос о культурных приоритетах, о возможности взаимодействия культур. Именно об этом говорит один из собеседников Вэньхуа, англичанин Чарли, которого герой-повествователь выделил из числа завоевателей потому, что тот «оказался грамотней и начитанней» своих соотечественников: «Самое забавное то, что мы друг друга до сих пор считаем варварами — мы вас, а вы нас. А вот так поговоришь — и переменишь мнение, пе-

рестанешь обзыватье. Мы просто разные и пока не понимаем друг друга. Когда-нибудь пойдем, как ты думаешь?»

Вопрос Чарли не предполагает легкого ответа. Причина вторжения Англии в южные провинции Китая не может быть объяснена «отсталостью» последнего. Накануне опиумных войн и вхождения в затяжную полосу государственной и культурной стагнации Китай был вполне самодостаточной страной. Англичанин Роберт Харт, генеральный инспектор Китайских морских таможен во второй половине XIX века, уже после заключения Нанкинского договора, свидетельствовал: «Китайцы имеют лучшую на свете еду — рис; лучший напиток — чай; лучшие одежды — хлопок, шелк, меха». Не менее высоко оценивал Р. Харт и культуру Китая. Это сведения уже не из повести Г. Литвинцева, но суть их совпадает с ее выводами: китайское общество не нуждалось в духовных ценностях или технических достижениях Западной Европы для обустройства своей собственной жизни. Просто оно измерялось ценностями *другой культуры*. Но англичане в Опиумных войнах, как мы отметили выше, и не ставили задач подъема уровня культуры Китая. Они исходили из априорной уверенности в превосходстве европейской, с удивлением отмечая, как Р. Харт, то лучшие китайские товары, то отличного качества дороги, связывавшие все районы «отсталой» страны.

Сходные примеры мы видим и в повести Г. Литвинцева. Острее всего участники цивилизационного столкновения воспринимают «инакость» своих противников. «Чего не хватает этому варвару — ума, образованности или воспитания?» — растерянно спрашивает китайский чиновник среднего уровня у Вэньхуа об английском капитане Поттинджере, первом британском генерал-губернаторе Гонконга, поведением которого он был шокирован. Не случайно он именуется его «варваром», так как и китайцы исходят из превосходства своей культуры, из нежелания что-либо менять. Высшие чиновники Поднебесной, как и их противники англичане, уверены в непо-

грешности древних традиций, в мощи китайской армии и не утруждают себя попытками узнать о реальных силах своего противника. Из примечаний к повести Г. Литвинцева мы узнаем, что эта ситуация менялась крайне медленно, и даже после Опиумных войн «в Китае встречались войска, вооруженные луками со стрелами и проводившие учения, похожие на цирковые представления или на ритуальные пляски».

Именно такую «цирковую» ситуацию, вызвавшую удивление англичан-завоевателей, наблюдает Вэньхуа, исполнявший роль переводчика: «Я взбежал на палубу — и замер от увиденного: все поле предстоящего сражения было покрыто стройными рядами воинов Поднебесной. Судя по виду и торжественной музыке, защитники крепости, с пиками и дротиками в руках, готовились не к бою, а к представлению, способному то ли запугать врагов, то ли их склонить к мирной капитуляции. Одни, в изысканных одеяниях из цветных чжэньцзянских шелков, парадно маршировали, поворачивались, выстраивали сложные ритмические фигуры. Другие выплескивали кипучую силу и ярость древним воинственным танцем — размахивали мечами, громко выкрикивали проклятия и угрозы, крутились и подпрыгивали, делали в нашу сторону угрожающие выпады. Щитonosцы, показав сначала искуснейшие приемы фехтовки, затем с выставленными и поднятыми вверх расписными щитами выстроили парадную композицию “цветы мэй-хуа, усыпавшие землю”» (глава 3).

Однако англичане не могут (да и не хотят!) понять *смысл послания* китайского военного искусства («то ли запугать врагов, то ли их склонить к миролюбию») и реагируют на него в духе своего времени — и своей «культуры»: «И тут грянули один за другим два выстрела. Один из крылатых бойцов на берегу на мгновение завис в воздухе, а потом пал на землю, будто подстреленная в полете птица. Древний меч отлетел в сторону. Я обернулся на звук и увидел Поттинджера. Это он, оплывший каплун, посланец злой королевы, подпры-

гивал с ружьем и визгливо вопил: — Подстрелил! Подстрелил как фазана!»

Ритуальному искусству «священного шаолиньского ушу» первый британский генерал-губернатор Гонконга противопоставляет силу механического оружия, уверенный, что ему противостоят нецивилизованные «обезьяны». Древнюю культуру боя сменяет истребление техники более слабого противника: «...ни одно из ... магических средств не уберегало от тяжелой английской пули! Английские солдаты знали лишь два-три простейших приема штыкового боя, но они шли плотным строем, механически, как заводные, стреляли и кололи, и поле вскоре покрылось цветастыми нарядами воинов Неба».

Старая истина «Человек реализует себя в культуре» в повести Г. Литвинцева получает наглядное подтверждение: «Англичанам в первый раз пришлось иметь дело с маньчжурскими воинами. И они были поражены как их боевыми качествами, так и готовностью принести себя в жертву, равнодушием к смерти. Будучи не в силах перенести позор поражения, маньчжуры лишали жизни жен и детей, а затем и самих себя, разрезая себе горло. Сыновья убивали престарелых и немощных родителей, чтобы избавить их от участи попасть живыми в руки врага. Разрушенный пушками город был залит кровью» (гл. 3).

Уровень государственной коррупции в Китае накануне опиумных войн был чрезмерен и не соотносим с жизненным обиходом основной массы населения, не захваченной пороками китайской элиты. Нанкинский договор, «опиумные войны» вызвали не только утрату государственного суверенитета страны, но принесли гибель и разрушение людям, воспитанным в другой, не европейской культуре. Китай был поставлен перед цивилизационным процессом отпадения частного человека, жившего в лоне традиционной культуры, от государства. Но в истории, рассказанной Вэньхуа, возникает и иная составляющая, адресованная не только истории Опиумных войн и обстоятельствам китайской стагнации:

Броская фраза «Восток — дело тонкое» из культового советского фильма сегодня служит ироническим прикрытием нашего незнания или нежелания углубляться в неведомую культуру, войти в иную сферу мышления. Для Г. Литвинцева мысль об уважении к чужой культуре, внимание к Востоку, его философии и нравственности, насколько я могу судить по текстам писателя, с которыми успела познакомиться, является базовой. Можно увидеть истоки этого внимания в его биографии, месте рождения, но мне кажется, что вопросы тут и остросовременные, и значительные.

Мне представляется, что Г. Литвинцев, выпускник Уральского госуниверситета, историк по базовому образованию, органично сочетает в своей писательской, гражданской позиции не только европоцентризм, но и восточную составляющую отечественной философии. Сказывается и журналистский опыт, временной вектор которого всегда *от* сегодняшнего дня в будущее. В этом плане Г. Литвинцев — человек не только иного, чем Наталья Ильина, поколения, но, что более важно — иного культурного опыта, иной временной устремленности. Поколения русских эмигрантов, воспоминания которых мы вписываем в уже сложившуюся ткань культуры XX века, писали об утраченном рае, о большевистском нашествии, которое для И. Бунина, например, было хуже Батяи: «...можно было претерпеть ставку Батяи, но Ленинград нельзя претерпеть» (И. Бунин, «Миссия русской эмиграции», 1924).

Повесть Г. Литвинцева — о том цивилизационном сломе, свидетелями и участниками которого мы являемся, хотим мы того или нет. Поэтому в современной битве цивилизаций и культур хорошо бы услышать предупреждение героя повести «Молодым не ходи в Гуандун». Вспомним, что Вэньхуа оказался в Гуандуне, в южной провинции Китая, где развернулись главные соблазны Опиумной войны, получив право носить «шапочку беззаботного странника», которая, по китайской традиции, свидетельствовала не только о его возрасте,

но и о полученном им образовании. «Шапочку домиком» имели право носить студенты и ученые, прочитавшие много книг, в том числе и тех, в которых излагались основы китайской философии, нравственности, поэзии. Вэньхуа, вооруженный культурой своего народа, заветами отца, *сумел сохранить себя в Гуандуне* как личность, как носителя китайской культуры. Полученная им культура обучения, интеллектуальные способности позволили ему овладеть английским языком настолько, что он не только был оценен «варварами»-англичанами, но и был приглашен ими в качестве переводчика при заключении Нанкинского договора.

Столкновение культур, показывает Г. Литвинцев, не может быть простым и всем очевидным. Мудрые изречения Лао Цзы заканчивают, а по сути дела комментируют, эпизоды наиболее важных событий повести. «Орудия войны никому не приносят счастья, / это не средства благородного человека», — сопровождает цитата из Лао Цзы продвижение англичан по Янцзы. Победители-англичане на тяжеловесном грозном военном корабле «Корнуэллс» спускаются вниз по течению, «а по берегам, вблизи городов и сел, можно было видеть толпы нарядных и ликующих жителей. Они били в барабаны, играли на всевозможных инструментах, пели и плясали, стреляли из хлопушек, запускали в небо воздушных змеев. <...>

— Что это они празднуют? — спросил меня Поттинджер.

— Сэр, они думают, что англичане под Нанкином наголову разбиты и удирают на кораблях от победных войск императора.

— Идиоты! Боюсь, что именно как им представлят, так все и будут считать, — проворчал Поттинджер» (гл. 3). И это красноречивое доказательство мудрости Лао Цзы.

Стороны, подписавшие Нанкинский договор, исходят из диаметрально противоположных позиций. Английский генерал-губернатор уверен, что приказ королевы «освобождал его от всех небес-

